

9. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow-AUGSBURG: Im Werden Verlag, 2002. 167 p.

10. Li Songrui. The Spectacle Builder of the Information Explosion Era, Famous Works Appreciation 2018 (4) pp. 108–116.

**ИДИОЛЕКТ ПРАВЕДНИКА В РОМАНЕ П. АЛЕШКОВСКОГО
«РЫБА. ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИГРАЦИИ»**

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: dmitriybychkov@list.ru.

Игумнова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: igumnova01@rambler.ru.

Статья посвящена анализу речи персонажа-праведника, сознание которого отличается от других персонажей. В работе доказывается, что точка зрения персонажа праведного типа обнаруживают не только заметные стилистические, но и аксиологические расхождения: язык, связанный с особенностями мышления и представлениями об окружающем мире, становится непреодолимой преградой между героями. Нарративный аспект художественного произведения соответствует воплощаемому в анализируемом романе ментальному пространству. Автобиографический дискурс романа П. Алешковского «Рыба» вербально выражает речемыслительную деятельность героини-праведницы, обнаруживает механизм сложного психического процесса и коррелирует с индивидуальным характером изображенного субъекта речи. Анализ «языкового примата» говорящего позволило уточнить признаки подобного художественного дискурса и охарактеризовать его как «автобиографический» тип.

Ключевые слова: автобиографическая традиция, современная русская литература, роман, дискурс, ментальное пространство, гендер, когнитивный подход

**IDEAOLKT OF THE FAIRMAN IN THE NOVEL OF P. ALESHKOVSCY
«A FISH. HISTORY OF ONE MIGRATION»**

Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Technical University, 414052, Astrakhan, 16 Tatishchev st., e-mail: dmitriybychkov@list.ru.

Igumnova Elena S., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Technical University, 414052, Astrakhan, 16 Tatishchev st., e-mail: igumnova01@rambler.ru.

The article is devoted to the analysis of the speech of the righteous character, whose consciousness is different from other characters. The paper proves that the point of view of the character of a righteous type reveals not only noticeable stylistic, but also axiological differences: the language associated with the peculiarities of thinking and ideas about the world around us becomes an insurmountable obstacle between the characters. The narrative aspect of the work of art corresponds to the mental space embodied in the analyzed novel. The autobiographical discourse of the novel "Fish" by P. Aleshkovsky verbally expresses the speech and thinker activity of the righteous heroine, reveals the mechanism of a complex men-

tal process and correlates with the individual character of the depicted subject of speech. Analysis of the speaker's "language primacy" made it possible to clarify the characteristics of such an artistic discourse and characterize it as an "autoge-nographic" type.

Keywords: hagiographic tradition, modern Russian literature, novel, discourse, mental space, gender, cognitive approach

Идиолект праведника как литературного персонажа является персонифицирующим средством в создании отдельного лингвокультурного речевого типажа, художественная репрезентация которого становится в современной русской прозе достаточно заметным явлением. В аспекте специфики речевой деятельности анализ данного типа персонажа позволяет выявить когнитивно-дискурсивные свойства сознания героя, диалектика образа которого обусловлена его погруженностью в древнерусскую житийную традицию [2, с. 3].

В романе П. Алешковского «Рыба» создается образ героини-праведницы, ценностные, ментальные, религиозные и гендерные признаки которой отличаются ее в разветвленной системе персонажей. В произведении с напряженным сюжетом, воссоздающим основные этапы жизни Веры, языковые особенности героини особо не акцентируются автором и, таким образом, в произведении воплощается усредненный вариант речевого портрета.

Своеобразие речи героини не поддается развернутой характеристике. Однако положение Веры в иноязычной среде Таджикистана определяет некоторые неразрешимые в подобных условиях проблемы ее личностной самоидентификации посредством прямой речи, представленной в объеме всего художественного текста, строящегося на принципах автобиографического дискурса.

На языковом уровне в романе можно выявить проявление отчасти намеченного писателем в подтексте конфликта родного для героини русского языка и иноязычной среды.

Как известно, язык во многом определяет границы культур и суверенности государств, поэтому национальный язык приобретает особый статус в республике, входящей в федеративное государство, каким был СССР. В указанных обстоятельствах важно учитывать, что в государственных границах таких национальных республик реализуются и потенциальные возможности языка формировать особое ментальное пространство, адекватное для воспринимающих его от рождения представителей крупного этноса.

Глубокое и оригинальное историческое обоснование языковой картины мира намечается П. Алешковским в экспозиции романа: «Когда-то город стоял на Великом шелковом пути, сюда стекались товары и сказки со всего образованного мира, их приносили люди, говорившие на разных языках. Великая торговая артерия связывала мир, не было в нем четких границ, таможня не лютовала, а приветствовала путешествующих купцов, земля была плоской и бесконечной. Знания и прекрасные истории ценились на вес золота, путешествующие ценили жизнь, понимали, что любовь, свобода, удаль и предательство одинаковы во всех уголках Земли, как одинаковы стужа и жара, солнце, загадочная луна, песок и глина» [1, с. 17].

Концепция языка, опосредованно сформулированная писателем в романе, учитывает некоторые факты проводившихся археологических раскопок на территории Таджикистана, о которых с интересом сообщает героиня: «Умерших связывала вера: Галя выделила три типа керамики, что говорило о разноэтничности, – в долине проживало пестрое, многоязычное население. На древнее кладбище натолкнулись случайно при рытье арыка, местные дехкане обнаружили старые черепа и осколки глиняной посуды и тут же обратились к археологам – экспедиция, прославившая город Пенджикент на весь мир, приучила людей уважать то, что хранит земля» [1, с. 33].

Археологические раскопки, в которых принимают участие родители Веры, как нам представляется, являются в романе описанием реализуемой метафоры, утверждающей не только идею прошлого, но и в первую очередь сложность планов содержания сознания человека, когнитивный опыт, связанный с историей его жизни (в этом смысле раскрывается некотором смысле семантика подзаголовка – *история одной миграции*).

Язык становится фактором, объединяющим людей, русских археологов и дехкан, хотя их картины мира не совпадают: «Дехкане, путешествующие из города в горные кишлаки, часто нас навещали, дорога пролегла всего в ста метрах от площадки, где был разбит раскоп. <...>

Мы скоро привыкли к посетителям, встречали их «салям-алекумом», но в разговоры не вступали. В первый же день я отличилась. На вопрос, что мы здесь откапываем, ответила: «мусульмон», и на пальцах показала 10 – десятый век. Старик, задавший вопрос, заулыбался, возбужденно прищелкнул языком, покачал головой, сказал короткое слово и провел ладонью по шее. Ася, зная таджикский, тут же принялась что-то спешно ему объяснять. Лица у старика и двух его спутников сразу посуровели, они закивали головами, старик даже сплюнул на отвал, как будто скрепил уговор печатью. Какое-то время они еще посидели на корточках, затем, хлопнув по коленкам и воскликнув обязательное в таком случае «хоп-майли!», поднялись, поклонились, приложив руки к сердцу, и ушли полной достоинства походкой, довольные, что все правильно поняли» [1, с. 19].

Вопрос о языке становится в произведении одним из центральных, решение которого позволяет более основательно интерпретировать роман. Естественным фоном для проживающей в Пенджикенте Веры является таджикская речь. Очевидно, что в лексикон русской девочки (жизнь малолетней Веры описывается в первых главах романа) вошли некоторые слова таджикского языка, передающие реалии народной жизни, что создает представление о Космо-Психо-Логосе (Г. Гачев) другого народа. Таким образом, повседневное бытовое общение создает особые условия психологического климата, в котором пребывает героиня. Не всегда эти обстоятельства привычны для представителя другого народа, иногда это создает некомфортные ситуации для коммуникантов: «...полчаса им пришлось развлекать ако Насрулло, а это было занятие не из легких. Узбек улыбался всем лицом, чмокал губами и все порывался перейти на родной язык, что ему не позволили сделать Аська и собственная гордость, – в гостях полагалось говорить на языке расстелившего тебе скатерть-достархан дома. Говорить было не о чем – пили чай, ждали меня, проклиная в душе мою бесшабашность» [1, с. 35].

Единичные случаи, лаконично описанные автором, позволяют воссоздать лингвосферу советской республики. Таджики, по вполне объяснимым причинам, например, нарушают в устной речи законы грамматики русского языка, но художественное содержание этих эпизодов оказывается намного глубже. В одном из фрагментов на первых страницах романа Вера рассказывает о том, как она, поспоря с подружкой, не побоялась подойти к коню и долго гладила его гриву:

«Помню только, что вдруг в проеме сарая возникло пятно, заслонившее свет. Там стоял хозяин с тешой в руке – вооружился против конокрадов. Он что-то закричал по-таджикски. Я продолжала делать свое дело. Хозяин вдруг успокоился, присел на корточки. Закончив, я еще раз поцеловала равнодушного коня прямо в сухую ноздрю. Хозяин встал, подошел ко мне, обнял потечески и залопотал: «Спасиб, спасиб, хороший девочка, конь-пензионер, Нурэддин давно пензионер, жалко» [1, с. 7].

Произошедший случай, как кажется на первый взгляд, не должен вызывать особого внимания автора и читателя, однако, рефлексия героини по данному поводу заставляет разглядеть в этом фрагменте психологическое

напряжение: «Я шла по улице и не слышала, что говорит мне Нинка. Я украдкой щупала щеки – иней стоял, но во мне самой еще был холод, и было приятно, потому что стылая усталость проходила, а место ее заполнялось чем-то, что я сама сегодня не могу описать словами». [1, с. 7]. Обратим здесь внимание на то, что героиня находится в состоянии измененного сознания: погруженная в себя, она не слышит, что говорит ей Нинка, а также не может сформулировать собственные ощущения после посещения террасы-айван (отметим в скобках слово из лексикона Веры, также как и «гюрза», которую девочки видели в степи) старика-таджика, пригласившего их к себе домой. Очевидно, что соприкосновение с миром отгораживает Веру от реальной действительности, «чувственное» измерение окружающего сменяется «идеациональным» [4, с. 206] картиной мира, и границы языка, по известному определению Л. Витгенштейна, являются границами ее мира, открывают сознанию иные измерения.

Языковая среда двуязычия порождает определенные размышления героини, в частности, о слове и музыке в народной таджикской песне, которую она слышит по радио: «Поначалу бывало приятно слушать, как в ночном воздухе возникает приторно-сладкий голос. Он словно и плачет и смеется одновременно, с силой выделяя непонятные слова, плетет вокруг тебя мелодию, как лоза винограда обвивает столб беседки. На лицах моих соучениц таджичек появляется сомнамбулическое выражение, как у сусликов, замерших на солнцепеке столбиком у своей норки. Не стоит спрашивать. О чем песня, – отчет всегда будет один: на секунду вырванная из сладкого транса глупым вопросом подружка отмахнется и бросит тебе в лицо, презрительно скривив губы: «Ты все равно не поймешь, о любви поет!» Произнесенное слово магическим образом возвращает девушку в страну грез, на лице ее расплывается улыбка, которую у поэтов Востока принято сравнивать с цветущей розой. А голос все поет о не переводимой на русский язык любви, о розах и обязательной луне, которая здесь не как в северных широтах, где небом правят облака, висит в бездонном звездном океане и то ли смеется, то ли плачет над словами певца, превратившимися уже в монотонный речитатив. Слушать его внезапно становится невыносимо. Речитатив липнет к телу, как сок перезрелого персика, хочется немедленно смыть его, промыть лицо и уши, прогнать надоедливую плаксу, попрошайничающего с эстрады, – правая рука на сердце, левая тянется вперед, словно ждет, что в нее насыпят гривенников и пятиалтынных.

Сейчас, начиная гладить, я иногда включаю телевизор, но слова несущихся оттуда песен словно переведены с таджикского. Я плюю на уют, он фыркает, выражая наше с ним общее возмущение от замусоленных рифм и бездарной музыки. Я переключаю канал или глажу в полной тишине, что тоже замечательно: тяжесть уюта, теплый запах чистого пара, прямая, как стрела, линия складки и истаивающие морщины на простыне успокаивают меня.

Пресытившись восточным пением, я убежала подальше от ДК, забиралась на глиняную стену дувала напротив нашего дома и смотрела на Млечный путь, на мириады звезд, на застывшую луну, которой доверяла разные глупости» [1, с. 8].

Язык объективируется в романе как концепт [3, с. 232] в индивидуальной языковой картине мира героини. В ее рефлексии о таджикской речи проявляется представление о языке как сфере проявления интимного содержания сознания личности. Психофизиологический аспект языкового сознания героини выступает на первый план, объясняет закономерности ее психопатологии. Таким образом, художественный психологизм П. Алешковского коррелирует с теорией З. Фрейда, обогащает психиатрическую концепцию за счет учитывания немаловажного для человека языкового фактора.

Своеобразный Психо-Логос, представленный в «Рыбе», может быть, осознан как главное понятие в концепции произведения, определяющее картину мира. И так, таджикский язык в языковом сознании героини, впадающей в состояние экзальтации, наделяется в ближней периферии концепта коннотациями чувственности, интимности.

Наиболее наглядно это проявляется в описании интимных отношений взрослых людей, работающих на раскопках, невольным свидетелем чего случайно становится Вера: «Они упали в траву вместе. Смех, которым они засмеялись, показался мне каким-то вымученным, но он тут же смешался со звуками речи, где только имена «Ахрор» и «Лида» удавалось иногда разобрать. Тяжелое дыхание обоих съедало остальные слова, словно они говорили на специальном языке, скорость которого заставила мою кровь стучать в висках, окрасила щеки, лицо и шею в цвет, что бывает в печке-тандыре, когда она раскалена докрасна. Бабочка, мечущаяся в свете ночного фонаря, и та не смогла бы повторить траектории, по которым металась их руки. Это было похоже на странную игру, где важно не впустить другого игрока в свое пространство. При этом от прикасающихся рук сыпались искры, я боялась, что загорится трава в саду.

Ахрор победил» [1, с. 43].

«Специальный язык» использует язык вздохов и непроизвольных криков, его компоненты архаичны по своему характеру, в некотором роде этот «специальный язык» раскрывает животное начало в человеке. В сюжете романа обнаруживается непосредственная связь данного эпизода с описанием из мира природы: «Ишак продолжал орать, но не двигался с места, из недр его живота выросла отвратительная труба и впиалась в землю, как пятая нога. Диких ишаков панически боятся даже кобылицы <...>, а похотливость их стала притчей во языцех» [1, с. 42]. Два описательных фрагмента строятся автором, переключившемся с самого начала романа на точку зрения героини, по одной схеме, реализуемой в этих нарративах. В данных описаниях употребляются разные составляющие индивидуально-авторского концепта «язык», представленного в первом фрагменте понятием «специального языка», а во втором – фразеологизмом «притча во языцех». Также сближаются эти речевые эпизоды за счет использования анималистических образов-символов бабочки и осла соответственно.

Психологическая составляющая языкового сознания становится ключевой в представлении о личности героини. В интимных переживаниях Веры, болезненно не получающей удовольствия от отношений с мужчиной, язык становится фактором, разъединяющих людей. В описаниях подобного рода, как мы видим, постоянно используются психологические детали, связанные с представлением о языке: «Одежда сдавливала тело, мне казалось правильным от нее освободиться.

И вот он уже был всюду – его пальцы, ладони, руки скользили по моей коже, мне было щекотно и смешно. Мы без остановки говорили по-узбекски — я не понимала ни слова, но сама говорила на этом языке. Насрулло смеялся, и только маленькие черные зрачки в подернутых масляной пленкой глазах были неподвижны.

От этого потока слов началось головокружение, меня бросило в жар, потом в холод. Меня уже бил озноб, хотелось прилечь, свернуться клубочком и заснуть прямо здесь, на кошме, под открытым небом. Но спать было нельзя, я вдруг отчетливо это поняла. Колкая шерсть кошмы впивалась в голое тело, неудобство, которое я испытывала, возвращало меня в реальность, не давало сомкнуть глазам. «Чой» лишил воли, но не разума и все расползался по телу, как щупальца чудовища, и я должна, должна была, хотела освободиться от этой гадкой зависимости, но не могла. Это было страшное ощущение. Я

уже давно соединилась со своим телом. Как и когда это произошло, я не помнила, хотя понимала, что я – это я...» [1, с. 45].

В романе заданы и иные планы концепта «язык». Знакомство после переезда из Таджикистана с эстонцем Юку Манисер, в образе которого проступают черты старца, обогащает представление Веры о языке. Юку занят отливом колокола, украшено словами. Колокол в произведении П. Алешковского является символом, представляющим мир как храм. Таким образом, житийная картина мира в романе строится по православным параметрам, раскрытым, например, в известной работе о русской иконографии религиозного философа Н. Трубецкого «Умозрение в красках».

Слово «язык» при описании колокола приобретает переносное значение: «Но колокол набирал силу, языком управляла умелая рука, уши качались в петле с заданной амплитудой, язык прикивал к щеке чуть быстрее, чуть сильнее: раз-два-три, раз, и раз, и раз-два, и раз, и раз-два-три. Я вдруг очнулась и побежала на звук. Он был неслучаен – кто-то давал мне понять, что спасение рядом: с древнейших времен колокола служили звуковыми маяками сбившимся с дороги путникам» [1, с. 57]. Идея романа «Рыба» фокусируется в афористической фразе, смысл которой не может привлечь внимание читателя, пережившего вместе с героиней «историю одной миграции»: «Если нет земли, родиной становится язык». После долгих и трудных мытарств Марк Григорьевич предложил Вере: «Собирайся, поедешь в Италию, мои друзья ищут няню к девочке восьми лет. Папа – итальянец, мама – русская, девочка начинает забывать родной язык матери» [1, с. 17]. Вера становится проводником русского языка в иноязычной среде, в которую снова попадает. «История одной миграции» не имеет конца.

Таким образом, язык – важнейший концепт романа П. Алешковского, многогранное содержание которого раскрывается в художественно моделируемой картине мира многоязычия. Лингвосфера, как показывает писатель, оказывает влияние на формирование Психо-Логоса праведной героини. Языковое сознание Веры, как показывает писатель, обусловлено жизненными обстоятельствами, шире – ее когнитивным опытом, а также индивидуальными свойствами личности. Кроме того, в художественной концепции произведения язык уподобляется родине.

Список литературы

1. Алешковский П. Рыба. История одной миграции: Роман / П. Алешковский // Октябрь. – 2006. – № 4. – С. 3–119.
2. Бычков Д. М. Агиографический дискурс в современной русской прозе : монография / Д. М. Бычков. – Астрахань: АГУ, Издательский дом «Астраханский университет», 2015. – 199 с.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

References

1. Aleshkovskiy P. Ryba. Istoriya odnoy migratsii: Roman [Fish. The history of one migration: Roman]. Oktyabr' [October]. 2006. № 4, pp. 3–119.
2. Bychkov D. M. Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze : monografiya [Agiographic discourse in modern Russian prose: monograph]. Astrakhan: AGU publ., 2015. – 199 p.
3. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2010. 314 p.
4. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel', 2006. 1176 p.